

ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ КОНЦЕПТА ПАТРИОТИЗМ В РОССИИ И ЧЕХИИ

А. М. Ланцева

Философский анализ концепта «патриотизм» имеет прочную научную традицию, начало которой положено в трудах античных философов. Проблема патриотизма и его формирования характеризуется богатством содержания, разнообразием направленности, различиями в уровне теоретического осмысления, своеобразием творческих подходов к рассмотрению многих её аспектов. Динамика исследования проблемы патриотизма в русле русской философской мысли включает периоды подъёма и спада, взлёта творчества и преобладания застоя, борьбы мнений и господства единомыслия. Постоянная и активная разработка проблемы патриотизма на глубоком теоретическом уровне в Чехии началась в эпоху барокко, главным образом, трудами чешских историков, таких, как Богуслав Бальбин, позже — в трудах Йозефа Пекаржа, Карла Юнгмана, Зденьки Калисты, а в России — в XIX в. Философское осмысление патриотизма осуществлялось различными течениями и направлениями русской философской мысли, такими, как традиционализм, славянофильство, либерализм, западничество, народничество, анархизм, монархизм, социал-демократизм, марксизм, религиозный мистицизм и др. Но особенно активно и плодотворно рассматривалась эта проблема в ходе формирования и развития русской идеи. Именно представителями данного направления отечественной философской мысли были разработаны теоретические основы патриотизма, важнейшие методологические положения, связанные с пониманием его природы, сущности, роли и места в условиях российской действительности. Традиция глубокого мировоззренческого изучения проблемы патриотизма была заложена Н. Бердяевым¹, И. Ильиным², В. Соловьёвым, Г. Флоровским.

В послеоктябрьский период развития страны произошло переподчинение русских и российских интересов задачам интернационализации отношений в обществе. Русское самосознание, деформируясь, утрачивало национальные корни. Российская трагедия, проявившаяся в русской эмиграции после Октябрьской революции и Гражданской войны, отражена в трудах целого ряда мыслителей, которые пытались сохранить национальные корни российской культуры и российской идентичности, найти опору для возрождения новых всходов.

В официальной общественной науке советского периода феномен патриотизма разрабатывался в большей степени на идеологическом, а не на теоретическом уровне. Среди известных работ, посвящённых исследованию данной проблемы, можно отметить А. Дементьева, Ю. И. Дерюгина, В. В. Макарова, Л. П. Старикова, В. Чалмаева, В. С. Чудного.

Само понятие «патриотизм» — это нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её характер и культурные особенности и идентификацию себя с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа. Исторический источник патриотизма — веками и тысячелетиями закреплённое существование обособленных государств, формировавшее привязанность к родной земле, языку, традициям. В условиях образования наций и национальных государств патриотизм становится составной частью общественного сознания, отражающего общенациональные моменты в его развитии. Деятельная сторона патриотизма является определяющей, именно она способна преобразовать чувственное начало в необходимые для Отечества дела и поступки.

В антропологическом контексте патриотизм является проявлением гуманизма, так как он предполагает, в отличие от национализма, терпимость к иной национальной самобытности. В случае трактовки понятия «нация» как со-гражданства, смыслы патриотизма и национализма совпадают как на социально-психологическом, так и на политико-идеологическом уровнях рассмотрения. Если же данному понятию придаётся этнический смысл, то национализм в этом понимании может быть близок к патриотизму или же существенно отличаться по уровню и характеру обособления. В современной России укрепление общероссийского патриотизма может стать инструментом снижения межэтнической напряжённости.

Одним из важнейших условий формирования патриотического сознания человека является осознание национальных интересов и последующая реализация их в деятельности. Рациональный уровень патриотизма невозможен без осознания национальных интересов. Специфика осуществления связи поколений в плане преемственности народной культуры заключается в воспитании культурной средой, через глубокое «погружение» в культурные отношения, наработанные и закреплённые многовековой историей общественного развития.

Можно выделить определённые формы проявления патриотизма: *полисный патриотизм*, который существовал в античных городах-государствах; *имперский патриотизм* — тот, что поддерживал чувства лояльности к империи и её правительству; *этнический патриотизм* (национализм), который в своём основании имеет чувство любви к своему этносу; *государственный патриотизм*, в основании которого лежат чувства любви к государству, и *квасной патриотизм* или *ура-патриотизм*, основывающийся на гипертрофированном чувстве любви к государству и своему народу.

Обращаясь к Чехии и чешскому народу, мы можем выделить две главные формы патриотизма: католический патриотизм и патриотизм в духе гуситской протестантской традиции. К концу Средневековья в Чехии возникло определённое представление о месте своей страны в том огромном мире, в котором после Великих географических открытий оказался средневековый человек Европы. Согласно этому представлению центром планеты является, конечно же, Европа, центром Европы —

Германская империя, центром империи — Чехия, а центром Чехии — её столица Прага. Это было связано с государственными идеями императора и чешского короля Карла IV (1346–1378). Карл IV всемерно подчёркивал значение чешской государственной и культурной традиций. В памяти народа Карл IV остался как самый великий чешский государь, как, согласно латинскому выражению, «Отец Отечества». Карл IV основал в Праге в 1348 г. университет — первое высшее учебное заведение в Центральной и Восточной Европе, который впоследствии стал называться Карловым университетом. Пражский университет с самого начала создавался как общеевропейский интеллектуальный центр, где работали представители многих европейских народов. Университет должен был стать «украшением Чешской короны» и способствовать распространению славы Чешского королевства во всех концах христианского мира. Произошло объединение культов святых — покровителей Чехии и Германии. В Чехии стал официальным культ святого Вацлава, в Германии были основаны храмы в честь чешского святого. Провозглашённый святым ещё в средние века, Вацлав стал небесным покровителем Чешского королевства, символом Чехии. Особое распространение почитание святого Вацлава приобрело при Карле IV, который старался подчеркнуть преемственность своей власти по отношению к местной династии. Об особом почитании св. Вацлава в эпоху Карла IV говорят, прежде всего, памятники культуры. Святой князь чехов считался постоянным чешским монархом на небе, его трон на земле лишь временно занимал очередной князь или король, который тем самым становился наместником святого князя в этом мире. В литературе возникают новые редакции жития св. Вацлава. Одно из таких новых сочинений было написано (или отредактировано) самим Карлом IV. В нём, наряду с набожностью святого, подчёркивалась его государственно-политическая деятельность, укрепившая чешское государство. Таким образом, религиозное сознание становилось частью государственной идеологии и формировало целостный облик родины.

В эту эпоху огромной популярностью пользовались хроники, которые повествовали об особом происхождении чехов. Так, одна из хроник называет чехов богоизбранным народом. На латинском языке чехи назывались «богемцами», что якобы происходит от слова «Бог» (при этом учёного хрониста не смутило то, что «Бог» — слово славянское, а не латинское, поэтому данные слова сопоставлять совершенно невозможно). Следовательно, богемцы названы в честь Бога, они им избраны, поэтому у них своя особая, высшая цель в истории. Эта теория, полностью относящаяся к области мифотворчества, заложила основу тому, что принято называть чешским мессианством. Народ, принимающий на себя мессианские функции, указывает дорогу другим народам к светлому будущему. Возникает понятие о непогрешимости чешского народа, который начинает обожествляться. К концу XIV в. чешский народ считается «святым народом», который следует по предначертанным Богом путям. В этом глубокая опасность мессианства, как мы могли убедиться на примере своей собственной истории.

«Святой народ», живущий в «сердце Европы», естественно, является наследником истинного христианства — того христианства, которое существовало до раз-

деления христианских церквей на православную и католическую. Поэтому Чехия становилась как бы средокрестием христианского мира, а её столица Прага должна была стать Новым Иерусалимом.

В правление сына Карла IV, Вацлава, когда страна переживала политический кризис, а авторитет католической церкви резко упал, стали проникать идеи Реформации, проводником которых явился Ян Гус, впоследствии ставший национальным героем чехов. Возглавляемое им движение получило название гусизма. Гус пытался реанимировать чешский язык, подчёркивая, что чешский народ должен быть «хозяином на своей земле... и должен стоять во главе, а не в хвосте плестись, всегда быть вверху и никогда — внизу». При этом Гус говорил, что «добрый латинник (т. е. не чех) ему милее плохого чеха»³. Таким образом, моральная оценка переплеталась с национальным приоритетом. Сподвижник Гуса, Иероним Пражский, заявил, что чешский народ — это «святой народ», который нельзя обвинять в отклонении от истинной религии. Он даже заявлял, что «чехи происходят от греков»⁴. Это объяснялось стремлением чехов вытеснить немцев с ключевых позиций в своём государстве.

В конце XVI в. поднимается новая волна чешского патриотизма, что было ответом на господство Австро-венгерской империи Габсбургов и их контрреформационные устремления. В это же время происходит процесс интенсивного вхождения Чехии в новое общеевропейское культурное пространство, процесс рекатолизации и религиозной реабилитации страны внутри католического мира. В рамках католицизма осуществляется программа сохранения своей этнокультурной идентичности. Специфика чешского менталитета заключается в том, что категории патриотизма и сакральности слились в образе св. Вацлава, «вечного правителя чехов». Рекатолизация в Европе, вытесняя протестантизм, обращалась к корням национального религиозного самосознания, что способствовало обращению к местным культам и практикам. После поражения при Белой Горе в 1621 г. чешский патриотизм стал пониматься как этнический и земский, что обеспечивало чешскому народу своё место в европейской культуре. Самобытность, наряду с католицизмом, и интегрированность в общеевропейскую культуру составляют сущность чешского барокко. Патриотизм и этнокультурная идентичность стали важными категориями, которые во многом определили культуру той эпохи. Земский патриотизм был обращён к религиозно-культурному наследию Средневековья и в гуситском историческом периоде. На первый план выдвигаются «национальные святые», такие, как св. Вацлав, св. Прокоп и «новый» святой — Ян Непомуцкий. В Моравии активизируется кирилло-мефодиевский культ. Символом слияния чехов с остальным католическим миром стал марианский культ, приобретший чисто барочные черты и получивший особое распространение в Моравии, покровительницей которой была провозглашена Дева Мария.

Выражением национальной специфики чешского барокко стало использование чешского языка, причём простого, разговорного, в сочинениях религиозного характера, что способствовало приближению культуры, использующей родной язык, к широким слоям чешского социума. Прославление Христа, Девы Марии, святых происходит не только на латыни, но и на родном языке. Родной язык представлялся эманацией божественного разума, божьим даром. Таким образом, чеш-

ский язык становится сакральной категорией, а любовь к нему — не только долгом, но и проявлением религиозного служения. На чешском языке стала интенсивно развиваться поэзия, религиозно-проповедническая и нравоучительная литература, агиография, канционалы. В данном контексте нужно особо выделить фигуру Богуслава Бальбина, чешского патриота, иезуита и разностороннего человека. Его историография носит чисто патриотический характер. Особенно ярко патриотизм Бальбина прослеживается в труде «Защита языка славянского, преимущественно чешского». Изучив библиотеки и архивы, Бальбин разработал план создания энциклопедии Чехии в 30 томах под названием «Различные исторические сведения о Чешском королевстве».

Великий чешский педагог и мыслитель Ян Амос Коменский в своём произведении «Лабиринт света» запечатлел поистине стон, исторгнутый из груди чешского народа, изнывающего под пятой Австрии. Основную мысль книги формулирует её полное название, которое мы здесь приведём: «Лабиринт света и рай сердца суть ясное изображение того, как в этом свете и во всех его предметах нет ничего, кроме суеты и блуждания, сомнений и забот, ослепления и обмана, бедствий и скорбей, наконец, пресыщения всем и разочарования, и как только тот добивается истинного и полного успокоения духа и радости, кто, оставаясь дома в своём сердце, замыкается с одним Господом Богом»⁵. Коменский в отчаянии призывает людей уйти в себя, удалиться от участия в общественных распрях.

Идеи католического патриотизма были продолжены в XIX в. в трудах Йозефа Пекаржа, Зденьки Калисты⁶. В противовес им в начале XX в. формируется анти-немецкий чешский патриотизм в лице Томаша Масарика. Этот патриотизм продолжал линию протестантской гуситской традиции. Масарик, преследуя идею чехословакизма, считал, что чехи и словаки должны объединиться.

Патриотизм русского народа во многом определяется его менталитетом и историческими условиями формирования. Русский менталитет отличается большой подвижностью, что во многом предопределяет специфику русского патриотизма. При изменении внешней и внутрисоциальной ситуации облик патриотизма быстро трансформируется, и он выступает то в виде преданности «малой родине» или группе своих сторонников, разделяющих близкие взгляды, то в форме мифа типа мессианского предназначения России («Москва — третий Рим, а четвёртому не бывать») и т.д. Когда возникает угроза социуму, то, естественно, возникает потребность ассоциироваться с той или иной компонентой. Значит, ментальность во многом будет определять и характер патриотизма, и формы его проявления. Например, русский человек не склонен защищать порядок, государство или лидера (царя, князя, императора), но он будет активно бороться за веру, справедливость и другие вечные ценности. Немец же будет, наоборот, отстаивать жёсткий государственный порядок, традиции, территорию. Одно из направлений исследования патриотизма, ярким представителем которого был И. Ильин, может быть определено как духовно-религиозное. Патриотизм рассматривается Ильиным как важнейший момент, этап развития личности, а именно как её духовное развитие, самовыражение. При этом уровень такого развития является очень высоким, поскольку духов-

ная самореализация личности предполагает проявление ею целого ряда важнейших сторон, качеств, характеризующихся полнотой, целостностью, оптимальностью их сформированности. Содержание же этих качеств личности, самого акта духовности его патриотизма, является глубоко религиозным. И. Ильин предложил систему дифференциации уровней патриотизма в зависимости от развития духовности личности. Первый, низший, уровень патриотизма, присущий большинству людей, живёт в их душах «в виде неразумной, предметно неопределённой склонности, которая то совсем замирает и теряет свою силу, пока нет надлежащего раздражения (в мирные времена, в эпохи спокойного быта), то вспыхивает слепою и противоразумною страстью, пожаром проснувшегося, испуганного и ожесточившегося инстинкта, способного заглушить в душе и голос совести, и чувство меры и справедливости, и даже требования элементарного смысла. Тогда патриотизм оказывается слепым аффектом...»⁷ и может проявляться в таких формах, как воинственный шовинизм, тупое национальное самомнение, слепое пристрастие к бытовым пустякам, лицемерный «великодержавный» пафос⁸. Люди, болеющие таким «патриотизмом», не знают и не постигают ни того, что они «любят», ни того, за что они это «любят». Это объясняется тем, что они следуют не духовным мотивам, а стадному или массовому инстинкту во всей его слепоте. Второй, высший, уровень патриотизма, присущий немногим людям, характеризуется духовной осмысленностью и светом божественного озарения. Он представляет собой «временное проникновение инстинкта и духа в обращении к родине»⁹. Только такая любовь к ней является зрячей и оформляющей; «это будет духовность... страстно-мудрая: это будет истинный патриотизм»¹⁰. В связи с тем, что «пришло время, когда человечество особенно нуждается в духовно осмысленном и христиански облагороженном патриотизме... ибо только такой патриотизм сумеет разрешить целый ряд ответственных проблем, стоящих перед современным человечеством... нам, ищущим пути духовного обновления, не может быть безразлично, какой патриотизм мы утверждаем и какой национализм мы насаждаем». По мысли Ильина, для истинного патриотизма характерна не простая приверженность к отдельным внешним сторонам, признакам родины, а глубокая, сильная любовь к их духовному содержанию, заслуживающим возвышенного чувства и самоотверженного служения¹¹.

Другой русский мыслитель, Д. С. Лихачёв, пишет, что любовь к родине, к отечеству прививается с малого возраста и передаётся из поколения в поколение. «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны — он, как правило, равнодушен к своей стране»¹².

Обращение к философскому исследованию патриотизма в начале XXI в. обусловлено неоднозначностью процессов культурной глобализации, трансформирующей представления о национальной идентичности и патриотизме как её ценностном основании. Глобализация культуры резко обострила проблему сохранения национальной идентичности, поставив под сомнение саму ценность патриотизма как её основания. Призывы отказаться от национальной идентичности и патриотизма как пережитков прошлого, формирование космополитической идентичности и процесс вестернизации позволяют эффективно управлять значительными массами населе-

ния. Патриотизм в современном обществе не изолирует человека от глобального мира, а, напротив, позволяет увидеть мир во всём его многообразии, оценить культурное разнообразие, убедиться в том, что другие народы и страны интересны нам только потому, что они от нас отличаются. Важно подчеркнуть, что глобализация культуры меняет само содержание патриотизма. Патриотизм в условиях глобализации должен включать пропаганду культурных ценностей в мире, а не ориентироваться на национальную замкнутость и на стремление отгородиться от глобального социума. На первый план должна выйти именно презентация с использованием современных информационно-коммуникационных технологий культурного наследия, национальных традиций, языка, культурных ценностей, которые должны позиционироваться как лучшие и незаменимые. Культурные стратегии позиционирования родины как бренда, формирования креативных пространств как нового образа «малой» или «большой» родины и деполитизации этничности в форме этно-футуризма позволяют противостоять вестернизации и гомогенизации культуры и становятся выражением патриотизма в условиях глобализации.

¹ Бердяев Н. А. Судьба России: соч. М.: Гардарика, 1998.

² Ильин И. А. О русской идее // О грядущей России. М: Воениздат, 1993.

³ История культур славянских народов: в 3 т. / отв. ред. Г. П. Мельников. М.: ГАСК, 2003.

⁴ Там же.

⁵ Мельников Г. П. Христианский интеллект XVII в.: Я. А. Коменский и его воззрения на личность философа // Человек в контексте культуры: славянский мир. М.: Индрик, 1995.

⁶ Мельников Г. П. Чешский ученый З. Калиста и проблемы Барокко: (К 100-летию со дня рождения) // Славянский альманах: 1999. М.: Индрик, 2000.

⁷ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1993.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Лихачёв Д. С. «Заметки о патриотизме». URL: www.nash-dom2009.narod.ru (дата обращения: 16.04.2012).